
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.2.62>

СОВМЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (СЕРЕДИНА XIX в. – 1917 г.). ЧАСТЬ 1

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2023

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются взгляды русских ученых, оказавших существенное влияние на формирование института совместного совершения преступления в русском дореволюционном уголовном праве. При этом используются конкретно-исторический и компаративистский (сравнительно-правовой) методы исследования правовой природы института совместного совершения преступления. Сделан вывод о том, что данный институт с середины XIX в. развивается гораздо более интенсивно, нежели ранее. Отмечается, что теоретические положения о совместном совершении преступления, включающие в себя в основном соучастие и прикосновенность, публикуются не только в учебниках и авторских курсах лекций, но и в довольно обстоятельных монографических исследованиях. Констатируется, что начинает унифицироваться общий подход к определению видов соучастников, форм и видов соучастия, осуществляются первые попытки определения понятий соучастия и прикосновенности, практически оформляется единый терминологический аппарат. Утверждается, что очевидна и разница в подходах к общему объему института совместного совершения преступления. Сделан общий вывод о том, что часть исследователей пытается расширить понятие совместного совершения преступления путем включения в него не только соучастия, но и иных форм, другие пытаются охватить понятием соучастия максимально возможное количество случаев совместного совершения преступления.

Ключевые слова: соучастие, прикосновенность, стечение нескольких преступников, скоп, заговор, шайка, главные интеллектуальные виновники, пособники, совиновничество.

JOINT COMMITMENT OF A CRIME IN THE DOCTRINE OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (MIDDLE XIX CENTURY – 1917). PART 1

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

This paper examines the views of Russian scientists who had a significant impact on the formation of the institution of joint commission of a crime in Russian pre-revolutionary criminal law. At the same time, specific historical and comparative (comparative legal) methods are used to study the legal nature of the institution of joint commission of a crime. The authors come to the conclusion that this institution from the middle of the XIX century develops much more intensively than before. Theoretical provisions on the joint commission of a crime, which mainly include complicity and implication, are published not only in textbooks and author's lecture courses, but also in rather detailed monographic studies. The general approach to determining the types of accomplices, forms and types of complicity is beginning to be unified. The first attempts are being made to define the concepts of complicity and implication. In practice, a single terminological apparatus is being formed. At the same time, the difference in approaches to the total volume of the institution of joint commission of a crime is also obvious. Some researchers are trying to expand the concept of joint commission of a crime by including not only complicity, but also other forms, others are trying to cover the maximum possible number of cases of joint commission of a crime with the concept of complicity.

Keywords: complicity, involvement, confluence of several criminals, osprey, conspiracy, gang, main intellectual culprits, accomplices, co-criminality.

Процесс формирования института совместного совершения преступления в теории отечественного уголовного права был начат еще в конце XVIII в. [2]. К середине XIX столетия ситуация с темой совместного совершения преступления в трудах отечественных ученых начинает меняться. Все большее количество исследователей рассматривают эти во-

просы на уровне не только учебников и курсов лекций, но и в монографических работах. Очевидно, что такому подходу способствовал уже накопившийся в достаточной степени теоретический материал.

Так, А. С. Жиряев в 1850 г. выпустил в свет монографию «О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении»,

представлявшую собой попытку упорядочить скопившийся к тому времени во многом схоластический материал, касающийся совместного совершения преступления. Даже само название работы свидетельствует, как минимум, о том, что ученый пытается развести два понятия, до этого времени четко не отличавшихся друг от друга, – соучастие и прикосновенность.

Определяя понятие «стечения нескольких лиц в совершении преступления», он отмечал, что это такое отношение к преступлению нескольких лиц, при котором они либо участвуют в его совершении, либо совершают иное преступление «по поводу и в интересах первого». Причем ответственность во втором случае – случае прикосновенности – напрямую зависит от характера и степени наказуемости основного преступления. Таким образом, ученый, определяя общее (родовое) понятие совместного совершения преступления, выделял непосредственное участие в его совершении как первую форму и прикосновенность к преступлению как вторую. Участников в совершении преступления А. С. Жиряев делит на главных виновников и пособников, а лиц, прикосновенных к совершению преступления, на укрывателей, попустителей и недоносителей [3, с. 15–16]. При этом цель исследователя достаточно ясна и понятна: нельзя заниматься только лишь исследованием соучастия и не уделять внимания разработке института прикосновенности к преступлению. А именно этим и грешили предшествующие исследования.

Говоря о соучастии как первом виде стечения нескольких преступников в совершении преступления, А. С. Жиряев выделяет, на наш взгляд, не только объективные признаки, такие как множественность лиц и участие в одном и том же преступлении [10, с. 6]. Автор говорит о том, что само вступление в отношение соучастия или прикосновенности может быть только умышленным, а также сознательным и заведомым. Однако это утверждение вовсе не является однозначным и окончательным. Исследователь полагает вместе с тем, что «можно быть участником в неосторожности, равно как можно быть в виновном заблуждении насчет рода и свойства того, в чем именно участвуешь или к чему именно ставишь себя в прикосновенность» [3, с. 36].

Определяя основные положения института прикосновенности, А. С. Жиряев выделяет следующие: а) все виды прикосновенности являются самостоятельными, но «придаточными» преступными деяниями, которые не должны принадлежать Общей части уголовного права, а быть исключительно принадлежностью части

Особенной; б) уголовная ответственность укрывателей, попустителей и недоносителей напрямую зависит от уголовной ответственности лиц, совершающих в соучастии так называемое основное преступление; в) такая ответственность по степени строгости была, очевидно, меньшей.

Предположение по пункту «б» мы делаем в связи с тем, что А. С. Жиряев так описывает основания наказуемости прикосновенных лиц: «...попустители, укрыватели и т. д. никогда не являются одни пред лицом карающего правосудия, но всегда в сообществе с виновниками главного преступления. При ненаказанности последних остаются без наказания и первые, потому что, если не окажется при уголовном исследовании главного преступления, то не может быть речи ни о попустительстве, ни об укрывательстве, ни о недонесении. Обнаружено будет уголовным розыском преступление большее, нежели каким казалось оно при первом обозрении, и преступность прикосновенных к нему лиц возрастет в той же самой пропорции; и, наоборот, открыто будет преступление меньшее, и вина прикосновенных к нему лиц уменьшится на столько же» [Там же, с. 17].

Что же касается пункта «в», то А. С. Жиряев «резкие» различия в степени наказуемости соучастников и прикосновенных лиц видит в двух аспектах – в свойствах и направлении воли (субъективная составляющая) и в качестве, а также направленности внешнего действия (объективная составляющая). Соучастники стремятся к совершению преступления, а прикосновенные не выражают прямого стремления к преступлению, и причинами этого являются непростительная апатия, трусость и т. п. [Там же, с. 20–21]

Критикует А. С. Жиряев тех авторов, которые вместо термина «прикосновенность» используют термин «благоприятствование» совершению преступления и, на взгляд ученого, таким образом необоснованно расширяют рамки прикосновенности. В благоприятствование, помимо уже перечисленных форм прикосновенности, эти авторы включают одобрение преступления, награждение преступника, пользование плодами совершенного преступления. Одобрение, по мнению ученого, по большей степени преступного характера не имеет, пользование плодами совершенного преступления в большинстве случаев представляет собой укрывательство [Там же, с. 30].

Работа А. С. Жиряева была первым систематическим исследованием именно института совместного совершения преступления. Более того, в списке литературы, которую использо-

вал автор, нет ни одной отечественной работы. Очевидно, просто потому, что работы русских ученых в этом вопросе находились просто в зачаточном состоянии. Однако переоценить этот труд в аспекте его дальнейшего влияния на доктрину русского уголовного права просто невозможно. «С течением времени, – пишет А. С. Цветкова, – взгляды российских ученых дореволюционного периода на институт соучастия менялись, но все они в своих рассуждениях о соучастии так или иначе ссылались на работу “О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении”, выстраивая свои теории относительно изложенной Жиряевым концепции. Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев, П. П. Пусторослев, В. Д. Спасович, Г. Е. Колоколов, опровергая различные положения, высказанные ученым, признавали высокий теоретический уровень работы, ее фундаментальность и важность для развития российской науки уголовного права в целом и института соучастия в частности» [9, с. 204].

Монографическое исследование А. С. Жиряева оказало огромное влияние на исследователей, и очень многие из них переняли терминологию, употребленную данным автором. Так, В. Д. Спасович раздел своего учебника, посвященный совместному совершению преступления, озаглавил «Стечение многих лиц в одном преступлении». Однако исследователь воспринял не только терминологию, используемую А. С. Жиряевым, но и общий концептуальный подход последнего к понятию и видам стечения нескольких преступников в одном и том же преступлении. В. Д. Спасович, так же как и А. С. Жиряев, выделяет участие и прикосновенность как виды совместного совершения преступления, а также и все виды участников и прикосновенных лиц.

Так же как и А. С. Жиряев, В. Д. Спасович рассуждает о двух аспектах совместного совершения преступления – объективном и субъективном. Задаваясь насущным вопросом, что должно быть положено в основу наказуемости соучастников преступления, В. Д. Спасович полагает, что это должна быть исключительно субъективная сторона действий соучастников. Объективная сторона не может выступить в этой роли, так как она для всех общая и неделимая. Она не делится на доли, а все участники отвечают за весь совокупный преступный результат. Такая «неделимость» объясняется тем, что действия всех участников квалифицируются одним уголовным законом. Что же до субъективной стороны, то она «у каждого соучастника

совершенно особая». У каждого свой настрой воли, свое знание, свое предвидение последствий. В то же время, формулируя свой окончательный вывод, исследователь не отрывает субъективную сторону состава преступления от объективной. «Каждый должен быть судим по мере своего знания и своей решимости, – пишет исследователь, – его знание и решимость обнаруживаются посредством его личного содействия, а его личное содействие есть только одна из составных частей общего произведения всех соучастников» [7, с. 162]. И вот что представляется интересным в дальнейших рассуждениях В. Д. Спасовича. Ученый выводит эту формулу для того, чтобы законодатель снабдил правоприменителя «известным масштабом», мерилем определения характера и степени общественной опасности участия в совершении преступления каждого соучастника. Для этого необходимо, чтобы законодатель посредством самого тонкого анализа уловил «самые резкие» отличия соучастников друг от друга для установления меры наказуемости каждому из них.

Собственно, и классификацию стечения нескольких лиц в совершении преступления В. Д. Спасович определяет через призму характеристики действий соучастников. Именно таким образом он выделяет соучастие необходимое и только возможное, предшествующее, современное и последующее. Всех соучастников ученый систематизирует по двум группам. Первая группа – это главные виновники, которые, в свою очередь, подразделяются на физических и интеллектуальных. Вторая группа – пособники, которые также могут быть как физическими, так и интеллектуальными. В то же время представляется интересным рассуждение В. Д. Спасовича о том, что стечение нескольких лиц в совершении преступления представляет собой, по сути, неразрешимую проблему, так как это явление представляет собой бесчисленное количество казуистических комбинаций, закрепить которые нормативно или в качестве общих доктринальных положений практически невозможно.

Что же касается деления стечения на формы, то В. Д. Спасович выделяет следующие. В зависимости от того, присутствовало или нет предварительное соглашение, формы могли быть следующими: стечение, не основанное на предварительном для преступников соглашении («скоп»); стечение, основанное на предварительном для преступников соглашении («заговор»); соучастие в преступлении целого общества злодеев, занимающихся преступлениями в виде ремесла («шайка») [Там же, с. 176–177].

Деление стечения нескольких лиц в совершении одного и того же преступления на участие и прикосновенность, согласно точке зрения автора, не единственное. Но, пожалуй, самым важным в рассматриваемом нами аспекте является тот факт, что В. Д. Спасович, рассуждая о делении стечения нескольких лиц в совершении одного преступления на участие и прикосновенность, аргументированно доказывает, что прикосновенность к совершенному в соучастии преступлению отнесена быть не может [7, с. 161–164].

Достаточно прагматично подходит к понятию совместного совершения преступления П. Д. Калмыков. Даже само заглавие раздела говорит именно об этом – «Различные степени вменения или вины в отношении к сообществу в преступлении». Очевидно, что П. Д. Калмыков внял высказанной тремя годами ранее идее В. Д. Спасовича о необходимости четко дифференцировать степень опасности соучастников по субъективной стороне.

Проанализировав современное ему уголовное законодательство, П. Д. Калмыков составил таблицу, в которой соотнес роды и виды участников преступления со степенями вины. Полная вина в высшей мере полагалась зачинщикам, соучаствующим в тесном смысле с предварительным соглашением. Зачинщики – те, кто, составив замысел, «согласили» на то других, кто управлял действиями других или же первым приступил к выполнению объективной стороны. Такая же мера вины, по сути, полагалась подговорщикам и подстрекателям, т. е. умственным виновникам, которые, не участвуя сами в совершении преступления физически, склоняли к этому других. Полной вины в оконченном преступлении удостоивались и сообщники, совокупными действиями совершавшие преступление с другими участниками. К ним же П. Д. Калмыков присоединял и необходимых пособников, оказывающих лишь вспомоществование в совершении преступления. Только прочие пособники могли быть удостоены виной степенью ниже всех перечисленных. Если же речь шла о лицах, участвующих в совершении преступления без предварительного сговора, то высшей степенью вины могли быть удостоены только главные виновники. Остальные участники, а также прикосновенные оценивались как достойные вины одной или даже двумя степенями ниже [8, с. 130–144].

Очевидно, что одним из первых российских исследователей, кто попытался сформулировать теоретическое определение понятия соучастия,

был С. М. Будзинский. «Участие и сообщничество, – пишет ученый, – состоят в сознательном совместном действии нескольких лиц для осуществления общего преступного намерения» [1, с. 207]. При этом автор основной упор делает на умышленную форму вины как существенный признак данного юридического явления. О соучастии можно говорить исключительно в умышленном преступлении. Неосторожная форма вины лишь подтверждает отсутствие намерения причинить общий вред. Кроме того, исследователь к обязательным признакам соучастия относит совместность действий нескольких лиц и стремление к наступлению единого для всех преступного результата. В данном определении, если сравнивать его с современным законодательным определением соучастия в УК РФ, нет только упоминания о том, что соучастие возможно лишь в умышленном преступлении. Однако С. М. Будзинский совершенно четко чуть дальше в своей работе указывает и на этот факт. «Может случиться, что от беспечности или неосторожности нескольких лиц произойдет вредное последствие, например пожар или смерть. Однако же этих лиц нельзя назвать соучастниками, совиновными: каждое из них будет отвечать отдельно, самостоятельно, за свою вину» [Там же, с. 208]. Собственно, анализируя данную цитату исследователя, мы видим еще одну форму совместного совершения преступления, которую он вполне отчетливо выделяет, – это неосторожное сопричинение. Кроме всего прочего, необходимо отметить и тот факт, что С. М. Будзинский не относит к учению о соучастии и стечении нескольких лиц в совершении преступления так называемое необходимое соучастие, полагая, что это исключительно продукт Особенной части уголовного права [Там же, с. 208–209].

Как полагает С. М. Будзинский, о соучастии и соучастниках можно говорить только тогда, когда есть предварительное соглашение либо когда соглашение является нечаянным или случайным. А далее мысль С. М. Будзинского достаточно сложно уловить. Ученый пишет, что в предварительном соглашении наука и законодательство различают два вида, которые влияют на увеличение наказания. Это заговор и шайка. Очевидно, что речь идет именно о видах, влияющих на увеличение наказания, и помимо этих видов есть простое предварительное соглашение, то, что в современном уголовном праве обозначается понятием «элементарного соучастия».

Что же касается соглашения случайного, то такое соглашение, по мнению ученого, должно

состояться либо непосредственно перед началом совершения преступления, либо во время его совершения. Представляется, что сговор на совершение преступления, пусть даже состоявшийся непосредственно перед началом выполнения объективной стороны состава преступления, все равно является предварительным сговором. Относительно же сговора, который осуществляется в процессе совершения преступления, здесь вопросов не возникает. С. М. Будзинский, пусть и не очень четко, но указывает, что от такого соучастия без предварительного соглашения необходимо отличать ситуации, когда действующие в условиях одного и того же места, времени и даже одного и того же источника лица ничего, кроме информации о совместном совершении, не имеют. Такие случаи нельзя рассматривать как соучастие в совершении преступления [1, с. 222].

Среди видов соучастников С. М. Будзинский выделяет три большие группы: физических виновников, умственных виновников и пособников.

Отождествляя с соучастием и одновременно относил стечение нескольких лиц в совершении преступления к формам сложной преступности А. Ф. Кистяковский. Однако понятие соучастия исследователь излагает достаточно упрощенно, упоминая только о том, что преступление должно совершаться несколькими лицами или субъектами.

В основу своей дифференциации совместного совершения преступления ученый положил деление соучастия на необходимое и случайное. Признавая и то и другое явление в качестве соучастия, А. Ф. Кистяковский тем не менее достаточно четко относит необходимое соучастие к Особенной части уголовного права, а случайное – к Общей. Определяя природу случайного соучастия, ученый различает два главных его вида: а) главное соучастие, именуемое виновничеством, и б) второстепенное соучастие, именуемое пособничеством. При этом виновничество делится на интеллектуальное и физическое, а пособничество на объективное и субъективное.

Помимо этого, он также выделял прикосновенность к преступлению или благоприятствование. Весьма интересными представляются рассуждения А. Ф. Кистяковского по поводу правомерности рассмотрения вопроса о прикосновенности вместе с соучастием. «Хотя некоторые криминалисты, – пишет автор учебника, – признают отнесение прикосновенности к учению об участии нерациональным, считая разные виды его преступлениями *sui generis*; но мы относим его к этому отделу, во-первых,

потому, что вопрос о прикосновенности есть вопрос общий, относящийся ко всем преступлениям, следовательно, его необходимо рассматривать в Общей части; во-вторых, потому, что свойство прикосновенности имеет известное отношение к главному преступлению, чего не скрывают и сами противники рассмотрения прикосновенности в отделе об участии; в-третьих, потому, что, признавая этот вопрос более вопросом классификации, чем существа предмета, мы считаем весьма уместным рассмотреть его именно в этом отделе» [4, с. 190–227].

К концу третьей четверти XIX в. в России начинают появляться работы, в которых авторы уделяют внимание не столько объему материала, посвященного совместному совершению преступления, сколько возможной простоте его усвоения. Одной из таких работ, написанных специально для студентов, был конспект по уголовному праву магистра права Н. А. Неклюдова. Ученый меняет устоявшийся подход в описании совместного совершения преступления на предельно простой и, в какой-то степени, утилитарный. «Существование обстоятельного конспекта гораздо важнее, – пишет Н. А. Неклюдов в предисловии к своему труду, – для учащихся несметного количества листов литографированных и почти всегда плохо составленных записок». Конспект Н. А. Неклюдова, на наш взгляд, достаточно четко систематизирован в части регламентации института совместного совершения преступления. Четвертая глава называлась «Участие в преступлении (Стечение преступников)» и включала в себя две главы – «Теория участия» и «Постановления о стечении нашего закона».

Н. А. Неклюдов не определяет понятия участия в преступлении, но формулирует ряд общих положений. К ним, в частности, относятся: множественность участников, неприменимость участия в преступлении к полицейским нарушениям и неосторожным преступлениям, неотнесение к участию так называемого необходимого участия. И вот что представляется интересным. Определяя деятельность участников, исследователь очень четко противопоставляет их виновникам. «Посему участник будет тот, – пишет Н. А. Неклюдов, – который принимал участие в деятельности виновника» [6, с. 71]. При этом ученый и не отрывает деятельность участников от деятельности виновника, утверждая, что деятельность участников и не может быть какой-либо иной, так как участники – это и есть совокупность виновников [Там же, с. 72].

Всех соучастников Н. А. Неклюдов делит по видам их деятельности на главных и второсте-

пенных. Главные виновники могут быть интеллектуальными и физическими так же, как и второстепенные (пособники). Выделяя формы участия (скоп, заговор и шайку), ученый отмечает неуместность такого деления [6, с. 76]. Хотя, как нам представляется, аргументация Н. А. Неклюдова выглядит не очень убедительно. Но вот что обращает на себя внимание в работе данного автора. Исследователь буквально по пунктам выводит характеристики некоторых видов соучастников, например подстрекателей и пособников. Такой подход в предыдущих работах других авторов не прослеживается. Так, подстрекательство характеризуется несколькими пунктами. Во-первых, подстрекательство должно быть заведомым, сознательным и умышленным. Во-вторых, подстрекатель может быть не один (несколько лиц могут склонять одного, или один подстрекатель может склонить другого к склонению третьего лица). В-третьих, подстрекательство должно быть направлено на совершение конкретного преступления, а не на перемену мыслей. Кроме этого, автор конспекта выделяет еще ряд положений, не все из которых являются бесспорными с точки зрения современного уголовного права России, но все они, безусловно, достаточно четко систематизированы [Там же, с. 75].

В 1881 г. в свет выходит еще одно монографическое исследование, посвященное институту соучастия, которое подготовил Г. Е. Колоколов. Его работа носит название «О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности)». Понятие соучастия ученый определяет следующим образом: «Соучастие есть такое отношение нескольких лиц к единичному результату, при котором каждый из них виновным образом обуславливает этот результат посредством известного положительного действия» [5, с. 51]. Опираясь на данное понятие, Г. Е. Колоколов сразу же исключает из понятия соучастия все случаи прикосновенности, мотивируя это тем, что ни один из видов прикосновенности не содержит обязательных для соучастия существенных признаков. Первый признак с объективной стороны – несколько субъектов, стремящихся к достижению единичного результата. Под единичным результатом здесь понимается общий единый результат, к достижению которого стремятся все соучастники. Второй признак должен выражаться в том, чтобы все действия соучастников были исключительно положительными. То есть, иными словами, соучастие путем бездействия Г. Е. Колоколов не признавал, хотя и отмечал в своей работе,

что подобные позиции в литературе существуют [Там же, с. 42]. Что касается признаков субъективных, то здесь исследователь полагает, что каждое из участвующих лиц должно действовать виновным образом, т. е. как умышленно, так и неосторожно. Такой подход, по его мнению, позволял подвести под соучастие все те многочисленные случаи совместного совершения преступления, которые, исходя из господствующей доктрины (соучастие возможно только с умышленной формой вины и при наличии сговора), таковыми не признавались. К таким относились случаи: а) когда лица, совместно совершающие преступление, являются виновными в неосторожности; б) когда одно из действующих лиц обуславливает результат умышленно, а другое по неосторожности; в) когда преступники действуют умышленно, но без всякого соглашения между собой. Последний пункт ученым был дифференцирован более подробно. Во-первых, когда ни один из виновных не знает о деятельности другого. Во-вторых, когда одно из двух лиц знает об умысле и деятельности другого. В-третьих, когда оба лица знают друг о друге, но каждому из них кажется, что другой о нем не знает. Вывод после таких рассуждений Г. Е. Колоколова представляется вполне предсказуемым: «На основании всего изложенного, соучастие, со стороны субъективной, предполагает только, что каждое из участвующих лиц действует виновным образом, причем для бытия соучастия совершенно индифферентно, выпадает ли на долю преступников *dolus* или *culpa*, существует ли между ними соглашение или нет. Поэтому соучастие не исключается ни в одной из указанных выше комбинаций, где его отвергает господствующая доктрина» [Там же, с. 51].

Г. Е. Колоколов считает, что общие правила соучастия должны распространяться и на так называемое необходимое соучастие и для этого не нужны какие-либо специальные правила, устанавливаемые в Особенной части уголовного права. Хотя исследователь и делает оговорку, в соответствии с которой эти правила применимы только в тех случаях, когда виновно действуют хотя бы два лица [Там же, с. 73–74]. Всех соучастников Г. Е. Колоколов глобально делит на две большие группы: виновников и пособников [Там же, с. 75].

Ну и, конечно, особое внимание в своей работе исследователь уделяет понятию подстрекательства, которому посвящает отдельный раздел своей монографии. Рассматривая подстрекателя как главного интеллектуального виновника, Г. Е. Колоколов продолжает использовать все

тот же методологический инструментарий, который до этого использовал при рассмотрении общих вопросов соучастия в преступлении. Подстрекателем является тот, кто виновным образом вызывает в другом мотивы к виновному совершению преступного деяния. И как вывод допускается неосторожное подстрекательство к умышленному деянию, так же как и умышленное подстрекательство к преступлению неосторожному. Кроме того, исследователь допускает подстрекательство и в тех случаях, когда в действиях одного или даже обоих лиц прослеживается посредствующая форма вины (косвенный умысел) [5, с. 119–120].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава : Главный склад в книжных магазинах Кожанчикова в С. Петербурге, Казани и Варшаве, 1870. 362 с.
2. Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В. Институт совместного совершения преступления в научном наследии криминалистов дореволюционной России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 4 (90). С. 355–361.
3. Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт : Тип. Г. Лаакманна, 1850. 145 с.
4. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1 : Общая часть. Киев : В университетской типографии, 1875. 413 с.
5. Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М. : В университетской типографии (М. Катков), 1881. 210 с.
6. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. Конспект. СПб. : Рус. кн. торговля, 1875. 200 с.
7. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. 438 с.
8. Учебник уголовного права профессора П. Д. Калмыкова. Часть общая. СПб. : Общественная польза, 1866. 535 с.
9. Цветкова А. С. А. С. Жиряев: нереализованные возможности // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 202–206.
10. Энциклопедия уголовного права: Соучастие в преступлении. Т. 6 / С. С. Аветисян, Е. А. Галактионов, Р. Р. Галиакбаров, Л. Д. Ермакова [и др.]. СПб. : Изд. профессора Малинина, 2007. 564 с.

REFERENCES

1. Budzinsky S.M. Budzinskij S.M. *Nachala ugolovnoogo prava* [The beginning of criminal law]. Warsaw, The main warehouse in the Kozhenchikov bookstores in St. Petersburg Publ., Kazan and Warsaw, 1870. 362 p. (in Russian)
2. Georgievsky E.V., Kravtsov R.V. Institut sovmestnogo soversheniya prestupleniya v nauchnom nasledii kriminalistov dorevolucionnoj Rossii (poslednyaya chetvert XVIII - pervaya polovina XIX veka) [Institute of joint commission of a crime in the scientific heritage of criminalists of pre-revolutionary Russia (the last quarter of the XVIII - first half of the XIX century)] *Akademicheskij juridicheskiy zhurnal* [Academic Law Journal], 2022, vol. 23, no. 4 (90), pp. 355-361. (in Russian)

3. Zhiryayev A. *O stechenii neskolkih prestupnikov pri odnom i tom zhe prestuplenii* [About the confluence of several criminals with the same crime]. Dorpat, Type. G. Laakmann Publ., 1850, 145 p. (in Russian)

4. Kistyakovskiy A.F. *Kistyakovskij A.F. Elementarnyj uchebnik obshchego ugolovnoogo prava. T. 1: Obshchaya chast.* [Elementary textbook of general criminal law rights. Vol. 1: General part]. Kiev, In the University printing house, 1875, 413 p. (in Russian)

5. Kolokolov G.E. *O souchastii v prestuplenii (o souchastii voobshche i podstrekatelstve v chastnosti)* [About complicity in a crime (about complicity in general and incitement in particular)]. Moscow, In the University printing house (M. Katkov), 1881, 210 p. (in Russian)

6. Neklyudov N.A. *Obshchaya chast ugolovnoogo prava. Konspekt* [The general part of criminal law. Abstract]. Saint Petersburg, Rus. book of Trade Publ., 1875, 200 p. (in Russian)

7. Spasovich V.D. *Uchebnik ugolovnoogo prava. T. 1. Vyp. 1. Sankt-Peterburg* [Textbook of Criminal Law. Vol. 1. Iss. 1]. St. Petersburg, I. Ogrizko Publ., 1863, 438 p. (in Russian)

8. *Uchebnik ugolovnoogo prava professora P.D. Kalmykova. Chast obshchaya* [Textbook of criminal law by Professor P.D. Kalmykov. The general part]. St. Petersburg, Public benefit Publ., 1866, 535 p. (in Russian)

9. Tsvetkova A.S. A.S. Zhiryayev: *nerealizovannyye vozmozhnosti* [Zhiryayev: unrealized opportunities]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2008, no. 1, pp. 202-206. (in Russian)

10. Avetisyan S.S., Galaktionov E.A., Galiakbarov R.R., Ermakova L.D. [et al.]. *Enciklopediya ugolovnoogo prava: Souchastie v prestuplenii. T. 6* [Encyclopedia of Criminal Law: Complicity in a crime. Vol. 6] St. Petersburg, Professor Malinin Publ., 2007, 564 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 17.05.2023.

Received on 13.04.2022; approved on 12.05.2022; accepted for publication on 17.05.2023.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), AuthorID: 525295, ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), AuthorID: 525295, ORCID: 0000-0001-8811-937X, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), AuthorID: 355169, ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), AuthorID: 355169, ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com